

в ней видеть, как это имеет место в англосаксонских странах, совокупность позитивных (эмпирических. — П. Б.) исследований, посвященных организации и деятельности обществ наиболее сложного типа, то социология становится особым рода этнографической дисциплиной» [Леви-Строс 1983 : 9]. Тот же самый аргумент развернут в противоположную сторону.

Так как этнография (этнология, или социальная антропология) изучает «социальные явления», ее положение младшей сестры социологии не требует никаких доказательств. Достаточно бросить мимоходом несколько фраз о том, что этнология внесла весьма ценный вклад в научное познание социальных явлений или что изучение бесписьменных обществ значительно обогатило социологию [Маке 1974 : 10]. Безапелляционность подобных высказываний подразумевает наличие множества известных всем аргументов, подтверждающих социологическое происхождение этнологии. В действительности приводится только один. По словам Маке, то, что изучение бесписьменных обществ превратилось в дисциплину, отличную от социологии, прерогатива которой состоит в изучении социальных явлений Запада, свидетельствует о проявлении расизма, пусть и бессознательном [Маке 1974 : 10].

Этнография и социология

Тезис о социологических корнях антропологии (в девичестве этнологии) особенную популярность приобрел еще среди основателей британской ветви этой научной дисциплины, что выражается в самом названии «социальная антропология». Например, уже Фрэнк (по образованию филолог) считал социальную антропологию социологическим исследованием «примитивных форм общества».

Малиновский определял социальную антропологию как отрасль социологии, изучающую «примитивные племена». По его мнению, такие фундаментальные для теории Моргана понятия, как «промискуитет», «групповой брак», «кровнородственная семья» и др., происходят от отсутствия у него должного «социологического образования», от того, что он не был «профессиональным исследователем человеческого общества». Что более всего удивляет «современного социолога» (читай, самого Малиновского), так это тот факт, что ни один из последователей

Моргана даже не попытался дать четкое определение этим понятиям [Malinowski 1932 : xxxii]. Согласно Малиновскому, азбука полевой этнографической работы — это выявление «социальной конституции», или «каркаса» исследуемого общества. Однако, предупреждает он, местному населению не следует задавать вопросы на «абстрактном социологическом языке», поскольку в отличие от нашего первобытное общество не имеет «архивов и документов» [Malinowski 1922 : 10—12, 17]. Маке в цитируемой выше книге повторяет эту мысль почти дословно: этнология (социальная антропология) пользуется своеобразными методами исследования (наблюдения за поведением, устные расспросы и т. п.), поскольку прибегать к помощи архивов или письменных вопросников невозможно [Маке 1974 : 10]. Таким образом, по мысли Малиновского и Маке, этнолог, или этнограф, по существу являясь социологом, не может или не имеет права проводить свои исследования по правилам социологии.

Согласно Рэдклифф-Брауну, цель социальной антропологии — в использовании знаний о примитивных обществах для обобщений в сфере изучения социальных феноменов. Из его рассуждений становится более понятной суть замечания Малиновского (который начинал образование как математик) по поводу «нечеткости» определений Моргана в связи с отсутствием профессиональной социологической подготовки. Как писал Рэдклифф-Браун, социология Огюста Конта, претендуя на естественнонаучный подход к изучению общества, в конечном счете не решила поставленную задачу. Средством решения задачи построения «естественной науки о человеческом обществе» является социальная антропология, которая в этом смысле может рассматриваться как своего рода социология [Radcliffe-Brown 1958 : 138]. Причину незавершенности замысла Конта Рэдклифф-Браун видел в использовании им «философского метода» вместо «экспериментального метода», характеризующего естественные науки. В свою очередь экспериментальный метод он отождествляет со сравнительным методом как формой индуктивного метода, единственно научного способа познания действительности. Отсюда научная социология — это «сравнительная социология», частью которой якобы и является социальная антропология. Сравнительная социология основана на систематическом исследовании более простых форм общества, которые мы находим у так называемых первобытных на-

родов. «Областью социальной антропологии, — заключает Рэдклифф-Браун, — является экспериментальное исследование... примитивных обществ» [Radcliffe-Brown 1958 : 138—141; Srinivas 1958 : xix]. Объясняется этот интерес прежде всего тем, что подобные исследования раскрывают нам формы социальной жизни, существенным образом отличающиеся от наших собственных (т. е. европейских. — П. Б.). Соответственно естественнонаучный характер метода социальной антропологии заключается в том, чтобы, как например в биологии, изучать сложные формы посредством простых. Вероятно, поэтому социальные антропологи, занимаясь сравнительной социологией, основное внимание уделяют изучению примитивных форм общества, быстро исчезающих (sic!) под натиском цивилизованных народов. Следуя этой логике, Рэдклифф-Браун, так же как и Маке, должен был сделать вывод о преходящем характере социальной антропологии как специальной отрасли знания.

Вопросом о соотношении предметной области этнографии («антропологии») и социологии задавались и сами социологи. Примером служат рассуждения английского социолога Э. Геллнера. Он перечислил следующие моменты различия: антропология изучает примитивные общества, социология — развитые, антропология изучает общество в целом, социология — отдельные его аспекты, антропология — эмпирическая наука, социология — теоретическая. Он также указывает, что антропология и социология пользуются различными методами сбора информации, но в конечном счете приходит к выводу об отсутствии четкой границы между предметами социальной антропологии и социологии [Gellner 1973 : 107—110]. О невозможности провести четкую границу между социологией и антропологией писал американский социолог Т. Парсонс. С одной стороны, антропология обладает областью исследований более широкой, чем социология, с другой — более узкой, сконцентрировав свое внимание на культурах и обществах, не знающих письменности [Американская социология 1972 : 362—363].

Пожалуй, впервые подобные сомнения проявились в высказываниях Л. Я. Штернберга, по своим воззрениям стопроцентного этнографа: «Занимаясь главным образом низшими формами человеческих обществ, она (этнография. — П. Б.) предоставляет социологии изучать статистику и динамику человеческих обществ на самых высших и сложных ступенях раз-

вития» [Штернберг 1904 : 181]. Хотя «со строго философской точки зрения» он считал такое разграничение неточным.

Как видим, представители разных наук, разных научных школ, разных эпох с удивительным упорством повторяют два противоречащих друг другу утверждения. Первое состоит в признании существования особой дисциплины, предметом которой являются «первобытные», или «бесписьменные», общества. Второе состоит в том, что эта дисциплина, как бы она ни называлась, является отраслью социологии, «по должности» исследующей современные общества (более мягкий вариант: положение о размытости границ между этнологией и социологией). При этом не очень понятно, каким волшебным образом первое утверждение сопрягается со вторым и даже преобразуется в него. Заметим, что именно социологи чаще говорят лишь об отсутствии четких границ между этими областями знания, кажется, не очень стремясь принять «безработных» этнологов в свои ряды.

По-видимому, на взгляд сторонников идеи генетического родства этнологии (этнографии) и социологии здесь нет никакого противоречия. Внешне умозаключение выглядит безупречным. Обе дисциплины при указании на предмет исследования используют понятие «социального», отсюда, казалось бы, очевидный вывод: этнология является частью социологии. Однако, если мы восстановим данную энтимему до полного силлогизма, мы увидим, что первая посылка, сформулированная в неявном виде, совершенно бессмысленна с точки зрения закона достаточного основания. Эта первая посылка гласит: если две дисциплины используют один и то же термин при указании на предмет исследования, то одна из них является субдисциплиной по отношению к другой.

Подобная логика при «классификации» этнографии / этнологии и социологии остается внутренним, хотя и не до конца высказанным убеждением многих представителей отечественной научной традиции. Прежде всего это выражается в трактовке, прямо или косвенно, «этнографического факта» (т. е. предмета исследования этнографии) как разновидности «социального факта» [Пименов 1988 : 66—69; Пименов 1990 : 49]. Помимо прочего здесь происходит подмена понятий средствами непосредственного перехода от утверждения о двойной, биологической и социальной природе человека к утверждению о социологических корнях этнологии. В книге

А. Й. Элеза «Критика этнологии» эта ошибка приобретает карикатурную форму: либо этнология — раздел социологии, либо — лженаука [Элез 2001 : 6]. Свою точку зрения он отстаивает с помощью самого простого приема, назойливо муссируя прилагательные «социальный» или «социологический» [Элез 2001 : 5, 6].

В реальном историческом контексте социологическая концепция происхождения этнологии (этнографии) выглядит если не более обоснованной, то более мотивированной. Все начинается опять-таки с момента превращения британской этнологии в антропологию, поставившего проблему обоснования необходимости подобного переименования. Понятие «наука о человеке» повышает не столько эвристический, сколько общественный статус этнологии. Это *первый аргумент*, но он имеет слишком широкий смысл. Конкретную форму, следовательно, некоторое содержание понятию «наука о человеке» как эквиваленту этнологии придает большая четкость представления об области исследований физической (биологической) антропологии. Все, что находится за пределами последней, приобретает значение «нефизической» антропологии. Конечно, такой термин не может устраивать с точки зрения неопределенности содержания, а за отсутствием других альтернатив «нефизическое» читается как «социальное». Это общее клише (ср.: «социальное — биологическое» в дискуссиях советских этнографов). Примечательно, что в упоминавшемся выше Справочнике Британского музея 1910 г. термин «социальная антропология» не используется. Антропология как «наука о человеке» подразделяется на этнографию, описывающую «нравы и обычаи отдельных народов и их развитие из дикости в цивилизацию», и неназванную дисциплину, изучающую законы эволюционного развития человека как биологического существа, — дисциплину, которая как бы довершает собой здание, как полагается, уже существовавшей к тому времени этнографии [Handbook 1910 : 2]. Интересны замечания, уточняющие предметную область этнографии. Во-первых, по мнению авторов, несмотря на то что этот термин обозначает собой нравы, обычаи, верования всех народов, включая народы Европы, особое внимание уделяется «расам», которые не имеют письменности и неизвестны истории [Handbook 1910 : 10, 11].

Второй аргумент — утверждение о «ненаучности» с точки зрения точных или естественных наук методов, использовав-

шихся этнологией в XIX в. При характеристике своего функционального метода в качестве единственно научного Малиновский уделял этому вопросу особое внимание, ставя этнологам в пример физику, химию и биологию [Malinowski 1922 : 2—3]. А поскольку социология с самого первого момента обособывала свое рождение переносом методов естественных наук на изучение общества, идея генетического родства социологии и социальной антропологии рассматривается как своего рода доказательство научности последней (см. выше: социолог Э. Геллнер вполне уверенно утверждает, что антропология (т. е. этнология) — эмпирическая, социология — теоретическая наука). В данной связи Рэдклифф-Браун специально подчеркивал, что детище Огюста Конта первоначально именовалось «социальной физикой» [Radcliffe-Brown 1958 : 138].

Подделка родословной социальной антропологии (этнографии / этнологии) становится особенно очевидной на фоне современного знания истории науки. Этнография / этнология примерно на сто лет старше социологии, по собственному выражению Рэдклифф-Брауна, во времена Конта «еще не существовавшей науки» [Radcliffe-Brown 1958 : 138]. Представление о том, что наука о первобытном обществе (культуре) возникла к середине XIX в. или даже позже, держалось почти до самого конца XX в. Рэдклифф-Браун писал, что слово «этнология» вошло в оборот «немногим более ста лет тому назад», т. е. в 40-х гг. XIX в. [Radcliffe-Brown 1958 : 135]. Ранее упомянутая книга Т. К. Пеннимана, вышедшая в 1935 г., так и называется: «Сто лет антропологии» [Penniman 1935].

Благодаря работам Х. Ф. Фермойлена в научный оборот вошли факты, свидетельствующие, что термины *Ethnographie*, *Ethnologie* и их немецкие аналоги появились в качестве обозначения особой дисциплины еще в 70—80-х гг. XVIII в., причем с достаточно четким указанием границ ее предметной области (даже отдаленно не напоминающей социологию в общепринятом понимании слова). Этнография или *Völkerkunde* — это не история «государств», а история «народов», у многих из которых *нет письменной истории* [Фермойлен 1994]. Нетрудно заметить соответствие между понятиями «история народов, не имеющих письменности», и «история государств», с одной стороны, и понятиями «первобытные общества» и «современные общества» — с другой, имея в виду цели разграничения этнологии и социологии.

Впоследствии Морган внес уточнение в этот вопрос, противопоставив понятия «политической организации», характерной для «современных обществ», и «социальной организации», характерной для «первобытных обществ». По Моргану, понятие социальной организации отражает организацию общества, которая определяется как «общество» (*societas*) и репрезентируется такими явлениями, как род, фратрия, племя, понятие политической организации отражает то, что определяется как «государство» (*civitas*) и репрезентируется такими явлениями, как город, графство, провинция с четкими территориальными границами — и что особенно важно — при наличии отношений собственности между людьми (т. е. общественного разделения труда. — П. Б.) [Morgan 1907 : 6, 7, 62]. Предмет исследования этнографии здесь обозначен достаточно четко.

Предмет социологии также четко был определен Дюркгеймом в самом названии его работы «О разделении общественного труда». Однако в обосновании «метода социологии» Дюркгейм явно выходит за границы предмета социологии, очерченного понятием общественного разделения труда, ибо его метод состоит в этнографической классификации отдельных обществ по степени нарастания их сложности, практически в соответствии с моргановской схемой, но без эволюционного противопоставления «дикости» и «цивилизации»: орда, клан, фратрия, племя, город, империя. Он писал: «...в действительности прогресса человечества не существует. Что существует, что единственно дано для наблюдения, — это отдельные общества, которые рождаются, развиваются, умирают независимо одни от других» [Дюркгейм 1991 : 425]. Таким образом, «социологический метод» Дюркгейма на самом деле является этнографическим, во многих аспектах применения которого, как видно из только что приведенной фразы, он даже превосходит Малиновского. Но все же труды Эмиля Дюркгейма являются не частью истории этнографии, а частью истории социологии, так же как труды Зигмунда Фрейда — частью истории психологии. Такие вещи не следует забывать при написании работ по истории этнографии.

Следует коснуться еще одной, логически и психологически вполне объяснимой ошибки, которая вытекает из условий полевой практики в «бывших» первобытных обществах, все более и более напоминающей социологические исследования. Современные потомки первобытных народов становятся объектом

внимания ученых, скорее, как маргинальные группы или особые социальные слои внутри больших обществ. В рамках «социологического» подхода этнографы (антропологи) превращаются в научных консультантов или поверенных по делам аборигенов. А. Купер прав, говоря об опасности патернализма, который кроется в таком подходе, когда этнограф призван служить представителем, посредником или посланником общины [Купер 1993 : 14]. Но это обстоятельство никак не связано с вопросом происхождения этнографии, исходя из него нельзя умозаключать, что этнография возникла как социологическая субдисциплина и ныне возвращается в лоно социологии. Даже если этнограф и социолог работают с одной и той же группой людей или если этнограф вдруг начинает пользоваться социологическими методами или задавать социологические вопросы, различие между предметами исследования этих двух наук остается в силе, ибо в конечном счете предметом исследования для них являются не сами эти группы людей, но только определенные аспекты, или срезы их существования. В одном случае они рассматриваются как представители древней традиции (этнография), в другом — как представители современного им общества (социология).

Действительно, если первобытное общество противопоставлять современному обществу абстрактно, как низшую и высшую ступени развития, разграничить сферы этнографии и социологии почти невозможно. Однако, если попытаться уточнить, в чем состоит предмет социологии, а именно: изучение социологией только отдельных аспектов общества, можно прийти к высказываниям Моргана и Дюркгейма о частной собственности и общественном разделении труда. Маке соглашается с тем, что сферу социологии принято ограничивать изучением «социальных явлений Запада» (см. выше), но при этом забывает, что предметом ее исследования является не все общество, не общество само по себе, но социальное расслоение общества, основанное на отношениях частной собственности.

Для иллюстрации разности между этнографическим и социологическим подходами приведем один небольшой пример. Этнограф, изучающий инициантов как особую социальную группу, не может это сделать вне описания соответствующих мифов, ритуалов, священных предметов, устройства «мужского дома». Вообще иницианты не могут стать предметом этнографического исследования сами по себе. Этнографа инициация

интересует в целом и в целом обществе. С другой стороны, выглядело бы крайне необычно, если бы социолог, изучающий социальную группу школьников, в своем исследовании стал приводить, например, описания школьных зданий или одежды учеников и учителей.

Таким образом, по контрасту с социологией в первом приближении предметом исследования этнологии (этнографии) являются общества с естественным разделением труда, взятые во всем объеме (т. н. *Naturvölker*). Могут исчезнуть конкретные общества (народы) как носители данной системы отношений, но предмет исследования исчезнуть не может, пока не исчезнут этнографические источники, хранящие в себе информацию о нем. Социологу не возбраняется пользоваться для своих построений этнографическими материалами, но от этого он не становится этнографом, как этнография (этнология) — частью социологии. С одной стороны, «социологом» может стать профессионально слабо подготовленный этнограф, с другой — этносоциология действительно является разделом социологии.

Представление о «народах». Историческая и географическая концепции происхождения этнографии

Известный французский историк Жак Ле Гофф отмечает, что в эпоху Просвещения объектом изучения историков стали считаться лишь «цивилизованные» народы, идущие по пути прогресса; изучение же «варварских» племен стало с XIX в. уделом этнологов [цит. по: Кром 2001 : 29]. Принадлежность этнографии (*Ethnographie* или *Völkerkunde*) к историческим наукам обосновывается программными положениями Августа Шлёцера, датируемыми 1771 г. Как мы уже упоминали, согласно Шлёцеру, наряду с «историей государств» должна быть и «история народов», или *Völkergeschichte* [Фермойлен, 1994 : 102].

Можно даже предположить, что впервые эти положения прозвучали в его лекциях, прочитанных в Геттингенском университете, несколько раньше. Как известно, до этого Шлёцер работал несколько лет в Санкт-Петербургской Академии наук по приглашению академика Ф. И. Миллера (Мюллер, Müller). По архивным документам того времени (Журналам